

А. С. Хромых

**К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир»
в изучении истории Сибири.**

Современный этап развития сибиреведения характеризуется резким увеличением количества работ, затрагивающих различные аспекты истории освоения земель за Уралом. Распад СССР, отсутствие контроля со стороны руководящей партии и отход от идеологического диктата марксистско-ленинской методологии обусловили значительное расширение диапазона изучаемых проблем, возможность установить контакты с зарубежными учеными, появление новых терминов, понятий и концептуальных подходов к истории Сибири. Все это способствовало неоднозначности оценок в научных трудах и дискуссиях о характере вхождения Сибири в состав Российского государства.

В настоящее время в осмыслении процесса и характера расширения территории России на Восток к таким традиционным понятиям в отечественной историографии как «завоевание», «колонизация», «вхождение», «освоение», «присоединение» добавилось понятие «фронтир». Следовательно, возникает необходимость проследить эволюцию вышеперечисленных понятий и соотнести их с «фронтиром».

В дореволюционной историографии господствовала концепция завоевания, выдвинутая еще Г.Ф. Миллером и получившая развитие в трудах П.А. Словцова, П.И. Небольсина, В.К. Андриевича¹. Они считали, что основная заслуга включения земель за Уралом в состав России принадлежала правительству, организовававшему походы служилых людей, направленных на основание острогов и подавление сопротивления автохтонных жителей, а сюжеты хозяйственной деятельности колонистов на новых землях отходили на второй план.

Однако в противовес официальной историографии А.Н. Радищев, а позже А.П. Щапов и областники настаивали на тезисе о самовольном освоении русскими людьми просторов Сибири². В конце же XIX в. В.О. Ключевский вводит понятие «колонизация». По Ключевскому колонизация – «процесс хозяйственного освоения и заселения новых территорий»³. Ключевский указывал на ведущую роль в колониционных процессах экономических и политических составляющих, а другие сто-

Хромых Александр Станиславович, к.и.н., учитель истории Муниципальное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 22, г. Красноярск.

Эл. почта: khromikh-alex@mail.ru

¹ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999; Он же. История Сибири. Т. 2. М., 2000; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1838; Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849; Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1. СПб., 1889.

² См.: Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., Л., 1941. С. 143–163; Щапов А.П. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1906. С. 31–55; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.

³ Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти тт. Т. 1. М., 1987. С. 50–53.

роны жизни общества являлись производными от них. При этом признавалась как стихийно-народное, так и организованное правительством освоение новых земель.

Все коренным образом изменилось с приходом к власти большевиков и началом формирования новой научно-исторической парадигмы. Этот этап продлился до начала 50-х гг. XX в. и характеризовался синтезом понятия «колонизации» по К. Марксу, под которым он понимал «захват рынков и дешевой рабочей силы, эксплуатацию метрополий колоний»¹ и тезисом дореволюционных авторов о завоевании Сибири². Это приводило к одностороннему и упрощенному освещению процесса освоения Сибири.

Новый период начался в 1950-е гг. и был связан с подъёмом исторической науки после XX съезда КПСС и созданием в Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Перед учеными-сибиреоведами остро встал вопрос о выборе точного термина при определении процесса «приобретения» Сибири. В.И. Шунков предложил термин «присоединение», который включал в себя «явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения»³. Якутский же историк Г.П. Башарин считал, что правильнее использовать термин «вхождение», поскольку продвижение русских за Урал, по его мнению, осуществлялось преимущественно мирным способом, а эпизодические вооруженные стычки были спровоцированы эксплуататорскими верхами и не отражали сути происходивших событий⁴. Во внешней форме был принят термин «присоединение». Но, по сути, он трактовался в значении, на котором настаивал Г.П. Башарин, и породил теорию «мирного и добровольного вхождения коренных народов Сибири» в состав России. Сам же В.И. Шунков, вводя термин «присоединение», оговаривал, что «факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям, и отрицать наличие в этом процессе элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием, значит игнорировать факты»⁵.

В это же время в работах историков-сибиреведов реанимируется содержание понятия «колонизация» по В.О. Ключевскому. Под «колонизацией» подразумевали заселение и хозяйственного освоение, но с обязательным указанием на ведущую роль народа в деле присоединения Сибири, реакционности политики правящих верхов и наличие классовой борьбы. Советскими историками была разработана четкая классификация колониционных процессов: по характеру – вольнонародная, правительственная и смешанная; по типам хозяйственного освоения – промысловая, земледельческая, служилая, церковно-монастырская и т. д.⁶

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 1967. С. 568.

² См.: Огородников С.В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII в. Иркутск, 1920.

³ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 225.

⁴ Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 44.

⁵ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории... С. 210–211, 231.

⁶ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., Л., 1946; История Сибири с древнейших времён и до наших дней. Т. 2. Л., 1968; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1988.

После распада СССР понятие «колонизация» снова эволюционировало. Помимо традиционного заселения и хозяйственного освоения в него стали включать на равноправных началах с экономическими и политическими составляющими этнополитические и культурные аспекты¹. Хотя существует точка зрения, выдвинутая еще в 1982 г. А.И. Алексеевым и поддержанная П.Ю. Черносвитовым, во многом близкая к марксистскому пониманию термина «колонизация»². Они разделяют понятия «колонизация» и «освоение». Под «колонизацией» понимается процесс, в ходе которого территории (колонии) подчиняются интересам центра и используются для снабжения метрополии сырьевыми и людскими ресурсами. При «освоении» новых пространств пришлое население создает автономную, самодостаточную систему хозяйствования, направленную на удовлетворение потребностей заселяющих ее людей. «Освоение» – это открытие территории, её исследование, формирование границ и хозяйственное использование. Но следует учитывать тот факт, что создание автономных социохозяйственных систем присутствует практически во всех примерах колонизации новых территорий и является ее составной частью. Исходя из этого, понятие «освоение» представляется более узким, отражающим в себе только отдельные стороны взаимодействия местного и пришлое населения.

Также, следует отметить, что в начале XXI в. проблема превращения Сибири в неотъемлемую часть России рассматривается сквозь призму имперского мышления в работах А.В. Ремнева, А.И. Миллера, Н.Г. Суворовой и др.³

В постперестроечный период для объяснения процессов сибирской истории начинает применяться понятие «фронтир». Впервые идею фронта Ф. Тернер выдвинул на собрании Американской исторической ассоциации в июле 1893 г. По Тернеру фронтир – это подвижная граница, момент встречи дикости и цивилизации, приводивший к формированию нового общества. Американская демократия, «сложная национальность», индивидуализм, физическая и социальная мобильность были напрямую связаны с фронтиром⁴. Следует отметить, что почти одновременно с теорией фронта Ф. Тернера на другом континенте появилась концепция колонизации В.О. Ключевского. Долгое время эти концепции существовали параллельно: понятие «колонизация» не использовалась американскими учеными для освещения истории

¹ См.: *Добрыднев В.А.* Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003; *Менщиков В.В.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Дис. ... докт. ист. наук. Курган, 2004.

² *Алексеев А.И.* Освоения русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М., 1982. С. 3; *Черносвитов П.Ю.* Русская колонизация Севера: становление и разрушение генофондов культуры // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX в. Т. 1. Владивосток, 1994. С. 32–45.

³ *Ремнев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыт обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146; *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41; *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. Вып. 11(129). М., 2008. С. 132–179.

⁴ *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association. 1893. P. 199–227.

США, а советские исследователи не применяли понятие «фронтир» в отношении истории Сибири. Сам Ф. Тернер в письме к своему ученику А.Н. Баффингтону в 1922 г. писал «России надо бы иметь интерпретацию собственного фронта»¹. В 1942 г. вышла статья Р. Доу, в которой впервые к процессам средневековой российской истории было применено понятие фронтир в значении – «Украина»².

Затем в 40–50-е гг. XX в., используя понятие «фронтира», рассмотрели историю Сибири ученые Калифорнийского университета – Д. Тредгольд, Дж. Ланцев, Р. Пирс, Б. Самнер³. Уже в это время среди американских исследователей возникла дискуссия о возможности применения теории Тернера для освещения процессов сибирской истории. Б. Самнер и Д. Тредгольд признавали, что в некоторой степени феномен фронта имела место и в Сибири⁴. Многие сибирские крестьяне обладали чертами собственного достоинства и предприимчивости, чем отличались от жителей Европейской России. В Сибири возникла «смешанная национальность», поскольку аборигенное население ассимилировалось с русскими, а также с переселенцами – представителями других народов Европейской России. Р. Пирс и Дж. Ланцев не признавали возможность применения теории фронта для российских реалий, считая, что слишком велико было различие между социальными условиями заселения американского Запада и Сибири⁵. При этом большая содержательная часть в трудах историков калифорнийской школы была посвящена истории России в целом, а освоение Сибири выступало одним из ее сюжетов.

Появление данных исследований вызвало ответную реакцию среди представителей отечественной исторической науки. В 1962 г. вышла работа Н.Н. Болховитинова «О роли подвижной границы в истории США»⁶. Он критически разобрал учение Ф. Тернера и сделал вывод о неправомерности его применения для объяснения расширения территориальных границ США, что автоматически подразумевало невозможность применения теории фронта к истории России.

Однако в конце перестроечного времени отечественная историческая наука вновь обратилась к теории фронта. Важно отметить, что со времен Ф. Тернера присутствует многовариантность трактовки понятия «фронтир», изначально заложенной самим автором. Он считал, что данный термин «достаточно эластичен и для целей исследования не требует особо точного определения»⁷. Эта формулировка от-

¹ Turner F.Y. "Russia ought to have its frontier interpretation" – letter to A.H. Buffinton, 27 Oct. 1922. // Billington R.A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. NY, 1973. P. 459.

² Roger D.P. A Geopolitical study of Russia and United States // Russian Review, Vol.1, issue 1 Nov. 1941. P. 6.

³ Treadgold D.W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History 1946. № 4. P. 147–152; Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal – London, 1973. P. 93–140; Sumner B.H. Survey of Russian History. NY, 1947. P. 31–47; Lantzeff G.V. Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles, 1943.

⁴ Treadgold D.W. Russian Expansion in... P. 151–152; Sumner B.H. Survey of Russian... P. 44.

⁵ Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire... P. 221–242.

⁶ Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57–74.

⁷ Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ. Press, 1998. P. 33.

ца-основателя теории, с одной стороны, поставила перед российскими учеными сложную задачу – выявить точное содержание понятия «фронтир», а, с другой стороны, предоставило возможность адаптировать его к сибирским реалиям.

В работах отечественных ученых прослеживается два основных подхода к трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, то есть фронтир – это определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами¹. На мой взгляд, эта интерпретация сужает содержание основных идей Ф. Тернера. В английском языке значениями слов «a border» и «a frontier» различаются. Слово «a border» означает четко определенную границу (в значении линии) между государствами и географическими объектами (морями, океанами, горами, равнинами, континентами). Слово же «a frontier» – это «подвижная граница» (граница продвижения), которая предполагает динамику, а не статику. Следовательно, цепь пограничных укреплений – островов или граница распространения власти государства на какую-либо территорию – это «a border», а не «a frontier».

Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной, считавшей что фронтир – это «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями»². Ее взгляды были конкретизированы Д.Я. Резуном и М.В. Шиловским, которые понимали под фронтиром – «место и момент встречи двух культур разного уровня развития («подвижная граница»)»³ и считали, что «фронтир возможен только при встрече и контакте двух культур разного уровня цивилизационного развития»⁴. Обобщая взгляды сторонников данного подхода, на наш взгляд более продуктивного, можно определить фронтир как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества.

Правда здесь возникает новый вопрос: а возможен ли фронтир при контактах цивилизации и трайбалистского общества? По моему мнению – возможен, но в данном случае процессы взаимопроникновения и взаимовлияния разноуровневых обществ протекают медленно и растягиваются на столетия. Например, включение в состав Российского государства самоедских племен и народов северо-востока Азии встретило длительное сопротивление и завершилось в конце XIX в., когда они признали русское господство и стали сибиряками.

Для понимания сути теории сибирского фронта важны положения, выдвинутые М.В. Шиловским о его видах. Ученый считает, что «необходимо говорить о трех видах фронта: «внешнем, по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающие поле» колонизации, внутреннем, – по отношению к народам, ока-

¹ Агеев А.Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир. Вып. 2. Томск, 1997. С. 30–31; Рахимов Р.Н. Башкирия – юго-восточный фронтир России // www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=393. Доступ свободный.

² Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 77.

³ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 16.

⁴ Там же.

завшимся внутри него, и внутрицивилизационном, – между старожилами и переселенцами»¹. На наш же взгляд, целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронта, так как они последовательно сменяли друг друга. И тогда, внешний фронт – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронт – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. В условиях же внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество или особый вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия².

При этом введение термина «стадия» в концепцию сибирского фронта открывает перспективы применения к истории Сибири теории секций, которая была разработана Ф. Тернером в начале XX в. По Ф. Тернеру секция – это «физико-географическая область с определенным укладом хозяйства и особым психическим складом населения»³. На мой взгляд, концепция секций справедлива для реалий Сибири XVII–XX вв. Еще на стадии внешнего фронта (конец XVI – первая четверть XVII вв.) формировались направления расширения фронта – северо-восточное, восточное и юго-восточное⁴. Они различались по скорости продвижения русских вглубь Сибири, видам контактов с местным населением, степени адаптации русского населения к новым геоклиматическим и этносоциальным условиям, ведущим типам хозяйственной деятельности. Например, если на северо-восточном направлении расширения сибирского фронта до середины XVII в. основным занятием являлся пушной промысел, во многом определивший облик этой части Сибири вплоть до начала XX в., то на восточном и юго-восточном направлениях – к этому времени главную роль играло земледелие. Во многом направления фронта определили и формирование различных субэтнических русских групп в разных районах Сибири.

В целом же, теории колонизации и фронта пытаются объяснить сходные процессы заселения, освоения и вхождения в состав государства новых территорий, но с той разницей, что понятие фронт более соответствует реалиям истории США, а колонизация – Сибири. Эвристическая же значимость теории фронта, как дополнительного методологического инструмента в рамках концепции колонизации для современного сибиреведения, заключается не только в выявлении этносоциальных особенностей, возникающих в результате долговременного взаимодействия русского и коренного населения⁵, но и в выявлении специфики эволюции и развития отдельных регионов Сибири в исторической перспективе с конца XVI по начало XX в.

¹ Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 101.

² Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII в. в свете теории фронта: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2009. С. 3–4, 20–21.

³ *Rereading F. Jackson Turner...* P. 88.

⁴ Хромых А.С. Русская колонизация Сибири... С. 21–24.

⁵ Данный тезис был впервые выдвинут Д.Я. Резун и М.В. Шиловским. См. Подробнее: Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в... С. 191–192.